

18+

СЕРГЕЙ
СЕМИПЯДНЫЙ

ЗАМУЖ ЗА АЛЛИГАТОРШУ

Сергей Семипядный

Замуж за аллигаторшу

«Издательские решения»

Семипядный С.

Замуж за аллигаторшу / С. Семипядный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-701575-2

Двое приятелей, потерявший работу Петя, по натуре романтик и филантроп, и Юрик, авантюрного склада молодой человек, мечтающий о красивой жизни, принимают решение жениться на состоятельных женщинах.

ISBN 978-5-00-701575-2

© Семипядный С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	17
5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Замуж за аллигаторшу

Сергей Семипядный

© Сергей Семипядный, 2026

ISBN 978-5-0070-1575-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Полуобнажённый, топлес, как говорится, Петя сидел в кресле и, испуганно скосившись вправо, наблюдал за двумя мужчинами, одетыми в строгие костюмы много лет тому назад вышедшего из моды покроя. Они стояли у стола и перебирали разложенные на нём бумаги.

— Всё верно? — спросил тот, что был роста высокого и почти блондин, однако с напрочь отсутствующим затылком.

— Да, все подписи на месте. Сваливаем, — ответил второй мужчина, коренастый, с совершенно лысой головой квадратной формы — бывают, оказывается, и такие, — и принялся распахивать документы по файлам.

— Освободите меня! — взмолился Петя, руки которого были примотаны скотчем к подлокотникам кресла.

— Спасибо — напомнил, — обернулся лысый. — Квартиру освободить до завтра, а теперь — прощальный автограф.

Он подошёл к Пете, поднял стоящий на полу утюг с тянущимся от него к розетке проводом и предпринял попытку сунуть ручку утюга Пете в рот. Петя резко отвернул голову в сторону. Лысый повторил попытку, однако Петя вновь отвернулся.

— А, понял! — улыбнулся лысый и поднёс утюг к груди Пети, на которой ярко пылали пятна, оставленные, судя по всему, в результате недавних прикосновений именно этого бытового устройства.

Петя замер, в ужасе вытаращив глаза, а затем неосторожно раскрыл рот и сказал:

— А-а!

В следующую секунду ручка утюга оказывается зажатой зубами Пети, и несчастному приходится запрокидывать голову, чтобы утюг не коснулся его обнажённой груди.

— Кто-то явился, — сказал высокий недоблондин без затылка, сгребая со стола файлы с документами.

Послышались шаги, и в комнату вошёл Юрик, чистокровный блондин спортивного телосложения и с вызывающе правильными чертами лица. Он изумлён.

— Что-то из девяностых? А где камера?

— М-м-м, — подал голос Петя.

— Остаёшься за старшего, — сказал Юрику, проходя мимо него к двери, лысый.

Второй также направился к выходу из комнаты, однако Юрик ухватил его за плечо.

— Что происходит? — задал он вопрос оппоненту, скосив взгляд на находящегося в интересном положении Петю.

— Пшёл! — дёрнул плечом недоблондин и спустя мгновение получил удар сначала в солнечное сплетение, а затем и в лицо. И упал на пол, рассыпав документы.

Юрик обернулся к двери, хмыкнул, бросил присутствующим:

— Не расходимся! — И выбежал из комнаты.

Однако посланный Юриком в нокдаун субъект принялся поспешно собирать рассыпанные по полу файлы, а потом пропал из поля зрения Пети, из последних сил удерживающего зубами утюг и издающего напоминающие мычание звуки.

— М-мы-ым-му-у! — выговаривал, если дословно, Петя с натугой и с нечеловеческим усилием удерживал рвущиеся из его гортани всхлипы.

Наконец вернулся Юрик.

— Чуть не догнал, — сообщил он. — Шустрый. А второй-то где? И вообще, что за тусовка?

— М-мы-мум-м! — ответил Петя.

— Кстати, не помешал? Но ты сам сказал оставить пока ключ.

— Мым! — всхлипнул-таки Петя.

Юрик вынул утюг из зубов Пети и поставил его на пол.

— Ух! Фу! Уф! — сменил пластинку Петя. — Спасибо, Юрик!

— Ну! — поторопил Петю Юрик, отключая утюг от розетки.

— Ушли деньги, — выдохнул Петя.

— Подожди! — встревожился Юрик. — Какие деньги? Я видел простые бумаги!

Петя горестно покачал головой.

— Часть прибыли. В Фонд по поддержке детей с онкологией я её... Шефу предлагал — он улыбался. Подумал, что согласен. Вот, вынужден был подписать.

— Опять ты... — раздосадовано проговорил Юрик. — О себе надо думать. Кстати, денег хотел подзанять.

— Да какие деньги! Уволили меня. Размотаешь?

— Ладно. Вот только зачем? — Юрик пожал плечами и принялся освобождать Петю от скотча.

Спустя полчаса, когда они неторопливо шли по дорожке Екатерининского парка, Юрик посетовал:

— А машину зря отдал. Сказал бы, что угнали. Пока бы ещё разобрались. Вот, например, та ива, видишь? — Юрик взмахнул рукой. — Лет двести или триста. В обхвате — то ли пять, то ли больше метров. Под себя гребла, все соки высасывала из окружающего пространства — вот результат. Я, кстати, суп высасываю из ложки. Просто высасываю, и всё. Это против всяких правил этикета, между прочим. Нельзя громко хлебать.

— Да, надо бесшумно, — согласился Петя.

— А если ещё горячий?

— Подождать. Или, может быть, подуть незаметно, — затруднился с ответом Петя. — Слушай, я поживу у тебя?

— Подуть! Чего ж на утюг не дул? — усмехнулся Юрик. — Кстати, самого выселяют. Два месяца не плачено. Но мы щас с одним человеком встретимся. А по правилам этикета меня не поднатаскаешь? Тренинг, понимаешь, нужен соответствующий. Крайне необходим.

— Я и сам не очень... А что за человек? — поинтересовался Петя.

— Увидишь. Я ведь решил на аллигаторше жениться.

— На ком жениться?

— На олигархине. На олигархе женского пола, — пояснил Юрик.

— Олигархи? Но ты же бедняк!

— Да. Но женюсь и заживу. Путешествия, яхты, курорты... — Юрик мечтательно улыбнулся.

— Я бы помог переселенцам. Жильё — это важно.

— И ты на аллигаторше? — рассмеялся Юрик. — Это, между прочим, называется — замуж.

— Да?

— Но это ерунда. Плохо, что молодые олигарши или олигархини, не знаю, как правильно, предпочитают молодых олигархов. Знаю я их.

— Что же делать? — заинтересовался, как будто, Петя.

— Женюсь на старой. И сразу — в Гималаи, Индию, Тибет... И соберу самую большую коллекцию бабочек. Больше, чем у Мавроди.

Пришёл черёд Пете повеселиться.

— А если старуха за тобой в Гималаи увяжется?

— Иногда, чтобы не лезла целоваться, можно гусеницу съесть, — ответил Юрик.

Петя поморщился.

— Гусеница — это мерзко. Правда, если продать коллекцию бабочек...

— Заткнись! — не захотел его слушать Юрик. — И мы почти пришли. Чуть дальше — кафешка скромненькая. Там и приземлимся. Возьмёшь три пива. Или четыре, если тоже будешь. И больше никаких излишеств. Объяснять надо, почему?

— Пиво — нет. Но я бы съел чего-нибудь, — сказал Петя и, кивнув на бросившуюся в глаза вывеску аптеки, добавил: — И мазь бы какую-нибудь... Зайдём в аптеку? Неприятные ожоги, должен признать.

— Зайди, — разрешил Юрик. — Только денежку мне подкинь.

Петя «подкинул» Юрику тысячную и поспешил к аптеке. Приобретя всё необходимое, завернул во двор и, как сумел, оказал себе первую медицинскую помощь, смазав и залепив пластырем грудь и живот.

Когда он явился в кафе, Юрик мелкими глоточками попивал пиво, держа кружку обеими руками. Ещё две кружки с пивом, на пластиковых подставках, находились посередине стола, рядом с чебуреком на одноразовой тарелке.

— Ешь! — кивнул на чебурек Юрик, а потом, бросив взгляд в сторону входа, приветственно вскинул руку. — А вот и он!

К столику подошёл брутального вида короткостриженный мужчина в кожаной куртке. Присел, молча протянул руку Юрику для рукопожатия, бегло осмотрел Петю.

— Фред, это Петька. На Белорусском познакомились, — сказал Юрик.

— Фронте? — без тени улыбки спросил Фред.

— На Белорусском вокзале. Давно. Он делал карьеру в крутой фирме, но — выгнали. А это, Петька, Фред. Пятнадцать лет на Рублёвке.

— На Рублёвке живёте? — Петя протянул Фреду руку.

— Работаю. — Не заметив, видимо, протянутой руки Пети, Фред подхватил придвинутую к нему Юриком кружку с пивом.

— Кем? — спросил Петя.

Фред производит несколько больших глотков, опустошая кружку на три четверти.

— Таджикиком.

— То есть? — Петя окинул непонимающим взглядом Фреда, совершенно не похожего на человека азиатского происхождения. Светлый шатен, лицо удлинённое, подбородок — квадратный.

— Таджикиком — это от дворника широкого профиля до гувернёра и личного массажиста, — поясняет Юрик и движением подбородка указывает Фреду на стоящую в центре стола кружку с пивом. — Фред, вторая тоже тебе.

— У кого — личным массажистом? — продолжил, между тем, расспросы Петя. — У кого-то известного?

— У вакс-фон Ганса-Фрица Кальтенбрунера Прикаспийского, — ответил Фред.

— У какого Ганса?

— Голланд-ретривер. Его хозяин широко известен в узких кругах. Кое-что просочилось в прессу. — Фред теперь пьёт пиво маленькими глоточками.

— В прессу? — переспросил Петя.

Фред вновь прикладывается к пиву.

— Но эти газеты уже куплены им и аккуратно закрыты.

— Какие газеты?

— Через которые просочилось. Журналисты эти сейчас — таджиками на стройках. — Фред выливает остатки пива себе в рот.

Юрик, подавшись вперёд, начинает двигать оставшуюся кружку с пивом в сторону Фреда.

— Бери вторую, Фред, и давай по делу.

— За рулём. — Фред решительно останавливает руку Юрика. — Соседям хозяина требуются охранник типа телохранителя и помощник по хозяйству типа экономки.

Юрик обрадован.

— Понял, Петруха? Ты, экономист бывший, будешь экономкой-ключницей.

— Ключницей?

— А я телохранителем. Корочки достану. Сейчас всё делают.

— Будет лицензия — будет направление, — с прежней ровной бесстрастностью объявил Фред. — В кадровом агентстве лапа.

— Какая лапа? — решил уточнить Петя.

— Мохнатая. Вакс-фон Ганс-Фриц Кальтенбрунер Прикаспийский. Отдали хозяйке агентства, когда у кошки хозяина аллергия на собак обнаружилась. — Фред скосил взгляд на Юрика. — Тянуть нельзя.

— Завтра! — вскричал Юрик. — Фред, в это же время, на этом же месте, будь я неладен!

Спустя сутки именно в это время на территории загородного дома за находящимся рядом с беседкой столом сидели, с картами в руках, девушка Юлия, лет тридцати, одетая модно и вызывающе, и бабушка её, Галина Николаевна, одетая ещё более модно и вызывающе. Между ними на столе — початая бутылка водки и стаканчики, а с торца стола — плотного сложения девочка Алиса, с аппетитом поедающая уничтоженный уже наполовину торт «Наполеон».

Юлия бросает на стол карты.

— Опять проиграла! — с досадой говорит она и оборачивается к Алисе. — Алисочка, ты уже который кусочек кушаешь?

Алиса пропихивает кусок торта себе в рот и округляет глаза, то ли оттого, что кусок слишком велик, то ли ввиду искреннего удивления.

— Что такое? Кажется, я не спрашивала, сколько вы с бабулей водочки откушали!

— Меру знаем, — покосилась на правнучку Галина Николаевна. — А ты, племянница буржуинки, предвижу, сейчас опять подышать будешь.

— Доченька, — полным сочувствия голосом проговорила Юлия, — ты скоро не только в электромобиль свой забраться не сможешь, но и в джип Полины.

В эти минуты по Ильинскому шоссе, поскрипывая на поворотах, мчался «BMW X5». В машине трое: Петя, Юрик и Фред.

— Фред, да плевать на рекогносцировку! — воскликнул Юрик, возбуждённо ёрзающий рядом с управляющим автомобилем Фредом. — Там же выбор!

— Полный дом баб. Юлия, Полина, Алиса... Ну, Алисе лет семь-восемь. Мамаша их. И мамаша мамыши. С одной не склеится — склеится с другой.

— Фред, а ты скажи Петьке, кто у них папаша, — предложил Юрик.

Фред с визгом выводит автомобиль из очередного поворота, поворачивает голову вправо и скашивает взгляд на Петю, находящегося на заднем сиденье, позади Юрика. Петя, сместившись к середине, подаётся вперёд, и Фред что-то негромко говорит ему в ухо.

— Он же где-то в Лондоне сейчас! — удивлённо вытаращил глаза Петя.

— Переживает, — сказал Фред и, резко затормозив, вывернул руль вправо и съехал с Ильинского шоссе. — Хозяин обещал присмотреть за его семейками. Их у него не одна и даже не две.

Пять минут — и все трое стоят на заросшем соснами взгорке.

— Вон они, — проговорил Фред спустя несколько секунд после того, как поднёс к глазам своим бинокль и направил его на противоположный берег пруда. — Юлия, это старшенькая, и её бабушка. С приветом бабуля, но безвредная. И Алиса, дочь Юлии, при них.

— Люблю детей, у которых молодые мамы! — Юрик отнял у Фреда бинокль и приник к окулярам.

— А по аллее на электромобиле Алисы, растопырив коленки, катается их братец Артёмка. Видишь? — продолжил Фред бесстрастным голосом. — Молодой, лет семнадцати, юноша типа балбес.

— Вижу балбеса, — подтвердил Юрик.

— Ему, кстати, телохранителя-то. Уже похищали. И не раз.

— Сколько? — поинтересовался Петя.

— Два.

— Ух ты! — восхитился Петя.

— Ну, при таком-то папаше... — дёрнул плечом Юрик.

Фред прокашлялся и изрёк:

— С похищениями не всё чисто.

— Что там не чисто? — поинтересовался, не прекращая наблюдения, Юрик.

— Мнение хозяина.

— Симпатичная семейка, — заключил Юрик. — А Юлия, кстати, ничего. Так что, Петька, я иду первым.

— Полина и вообще модель, — сказал Фред неожиданно потеплевшим голосом, и почти неуловимая улыбка тронула его губы. — Но только с виду.

— Модель, но только с виду? Как это? — Петя пытается забрать у Юрика бинокль.

— А мужики у ворот, едва не слившиеся в брудершафте? — отскакивает от Пети Юрик, не желая расставаться с биноклем.

— В ковбойской шляпе, он сейчас в машину садится, — мой хозяин.

— А молодой и петушистый? — продолжает отодвигаться от Пети Юрик. — Он тоже, похоже, отваливает. Машинка у него — спортивная.

— Что-то вроде партнёра Полины и, типа, кандидат в женихи. Хозяин намерен этого Майкла Духанича аккуратно размазать. Уедут, и можете выдвигаться. Аккуратно, по одному.

2

Юлия, не вполне трезвая, разлила водку, наполнив гранёные стаканчики в берестяных подстаканничках, поставила на стол бутылку, в которой прозрачной жидкости — на доньшке, и принялась тасовать карты. Находящаяся напротив неё Галина Николаевна, также нетрезвая, придвинула к себе один из стаканчиков, поглядела на остатки торта и кивком головы указала на лежащую на расположенной неподалёку деревянной скамье Алису.

— Ты — мать, — сказала Юлии.

— Помню, — ответила Юлия и тоже посмотрела на Алису. — Дышит тяжело.

— Ещё икает и постанывает. — Галина Николаевна осуждающе покачала головой.

Послышался звонок, и Юлия, закончив сдавать карты, поднялась и направилась к воротам и примкнувшей к ним калитке. Она не очень уверенно справилась с запорами, и, миновав створ калитки, во двор бодро вбежал сияющий, весь, как нынче говорят, на позитиве, Юрик.

— Здравствуйте! А вот я! — объявил он голосом не то конференсье, не то свадебного ведущего.

— Хм! — невольно попятилась Юлия, окидывая Юрика чуть заискрившим взглядом.

— Из агентства. Как и заказывали.

Юлия вздёрнула брови, очень модные, под Брежнева.

— Что-то не припомню, — проговорила с некоторой растерянностью и обернулась назад.

— Бабуля, никого не заказывала? На стриптизёра похож.

— Пускай заходит, — сказала Галина Николаевна.

— Из кадрового агентства, — счёл необходимым пояснить Юрик.

— Но телохранителя, вроде, решили не брать, — сморщила лоб, напрягая память, Юлия.

— А нечего... — ворчливо проговорила Галина Николаевна. — Ночами спать надо. Днём чтобы работать. Хотя куда там! Брат капиталистки, плеер ему в ухо!

— Вы и в самом деле не стриптизёр? — на всякий случай спросила Юлия у Юрика, окидывая его слегка поугасшим взглядом.

— На хозяйство человек нужен был, кажется, — опять вступила в разговор Галина Николаевна.

Юрик размышлял не очень долго. Секунду или даже меньше.

— Вот я он и есть, — объявил со сдержанной долей торжественности в голосе.

— Стриптизёр? — переспросила Юлия, выпавшая, по-видимому, в силу некоторых обстоятельств из реальности.

— По хозяйству. Юрий. Но можно — Юрик. Друзья так зовут.

— Что делать умеешь, Юрик? — задала вопрос Галина Николаевна.

Юрик торопливо направился к столу, до которого было не более десяти шагов.

— Всё. Молотком, пилой, топором... Масса специальностей.

— Гегемон, — с удовлетворением проговорила Галина Николаевна, разворачиваясь к застывшему у стола Юрику. — Он забьёт последний гвоздь в крышку гроба. Взойдёт она, заря пленительного счастья!

— Какая заря? На пенсию жить собралась? — проворчала Юлия.

— На гегемона как-то не очень... — с сомнением произнесла Галина Николаевна, к данному моменту внимательно рассмотревшая Юрика. — Костюм, прям, с иголочки.

Алиса издала стон, затем громко икнула.

— Что с девочкой? — спросил Юрик. — Несварение?

— Плохо ей, — вздохнула Юлия, усаживаясь за стол. — А вы не только стриптизёр и по хозяйству?

— Медбрат. По военно-учётной специальности игры в «Зарницу». Хоть массаж сердца, хоть искусственное дыхание.

— От обжорства — массаж сердца? — удивилась Юлия. — Впрочем, попробуйте. Если подряд два таких праздника, как день рождения дочери и похороны её же, то я сопьюсь. — Юлия чуть отодвинула от себя стаканчик с водкой.

— Я умру? — жалобным голосом произнесла Алиса.

— Посмотрим, — не без раздражения ответила Юлия. — Кстати, остатки в подвал бы... Глядишь, мыши обожрут и сдохнут.

Алиса возразила:

— Не надо мышкам. Мам, я доем. Если не умру.

— Торты, Юрик, не хочешь? — предложила соискателю Галина Николаевна.

— Нет, спасибо, — отказался Юрик.

Алиса, в очередной раз икнув, попросила:

— Можно кусочек? Когда икаешь, немного места освобождается.

— Могу научить, как освободить побольше места для торта, — обратился к девочке Юрик.

— И как же?

— Сунуть в ротик, поглубже, несколько пальчиков и срыгнуть.

— Фи! — скривилась Алиса.

Галина Николаевна посмотрела на Юлию.

— Надо брать специалиста. Где Полина?

— Позвоню, — кивнула Юлия и обернулась к Юрику. — Вы, Юрик, займитесь Алисой.

Юлия обшарила карманы, затем направилась в беседку. Галина Николаевна с усмешкой посмотрела ей вслед.

— Всё время телефон ищет. Хуже, чем у меня, память. А отведи-ка, Юрик, девчонку в дом. Эта её икота достала, честно сказать. Звонила ведь Катерине, чтобы забрала её.

Юрик, уже целую минуту без особого успеха размышлявший на тему оказания помощи переевшему ребёнку, обрадовался.

— Я отнесу. Бывший спортсмен.

Юрик подошёл к Алисе, осторожно поднял её и понёс к расположенному в трёх десятках метров дому. На крыльце появилась молодая женщина в красном чепчике и белоснежном фартучке. Чепчик, непостижимым образом державшийся на самой макушке головы, не скрывал сложносочинённой причёски, а фартучек был, скорее, украшением довольно откровенного наряда горничной с формами, ну, очень женственными. «Мечта поэта-гетеросексуала», — мысленно отметил Юрик, невольно внося, по мере возможности, конечно, коррективы в свою осанку: плечи расправить, спину — выпрямить.

— Вы — Катерина, смею предположить? — спросил, взойдя на крыльцо.

— Да. Идите за мной, — ответила Катерина и, повернувшись к Юрику спиной, направилась к входу в дом.

«Ну вот, и анфас как мы любим», — подумал Юрик не без тревоги.

Миновали прихожую, вошли в гостиную. В гостиной, повинувшись жесту Катерины, Юрик уложил Алису на диван и сказал:

— Часик не кантовать — обойдётся, надеюсь. — И посмотрел на притихшую, грустно поглядывающую по сторонам Алису.

— Прослежу, чтобы не съела чего. А вы?.. — Катерина окинула Юрика внимательным взглядом.

— На работу приняли. По хозяйству буду.

— Сработаемся, — удовлетворённая, по-видимому, осмотром, резюмировала Катерина. — Принесу кофе. Присядьте.

Во дворе жизнь шла своим чередом. Снова звенел звонок, и Юлия, шедшая из беседки с айфоном у уха, досадливо морщилась.

— Качество гарантируем... — говорила она не без раздражения и делала паузу, недовольно выслушивая абонента. — И документы. А как же! Обижаешь... Кого?.. Ладно, не скрипи, разберёмся.

— Дала добро? — спросила Галина Николаевна, когда Юлия закончила телефонный разговор.

— Сказала, ещё и телохранителя пришлют. Велела протестировать.

— Только что в дверь звонили, — напомнила Галина Николаевна собравшейся присесть Юлии и проворчала: — Когда уже на вход охранника посадят? Всё бы у монитора сидели и пялились, как мы тут туда-сюда...

Юлия отправилась к калитке и впустила Петю.

— Добрый день! Я по поводу трудоустройства, — сообщил Петя.

— Проходите! — Юлия взмахом руки указала направление.

Петя повернул голову и увидел Галину Николаевну, откинувшуюся на спинку плетёного кресла и принявшую начальственную позу.

— Подойдите! — распорядилась она. — Молодой человек, сюда!

Петя приблизился.

— Здравствуйте!

— Не слишком слаб для этой работы? — критически осмотрела Петю Галина Николаевна. — Комплекция, как у Артёмки. И выглядишь не старше, пожалуй.

— Побрился на два раза, — сказал Петя.

— Понятно. Умереть за хозяина смог бы?

— Наверно, да, — неуверенно проговорил Петя.

Галина Николаевна нахмурила брови и шумно вздохнула.

— Умирать надо за Родину, молодой человек. Но — принят. Капитализм есть капитализм. Будешь телохранителем у нашего Артёмки.

— Телохранителем?! — изумился Петя.

— Да, будешь его тельце охранять. Не отечество же вам, холуям, доверить.

Галина Николаевна указала свежеиспечённому телохранителю на свободное кресло, а затем прочла ему лекцию о преимуществах социализма над капитализмом и условиях содержания буржуинов в трудовых лагерях после победы мировой революции, которая не за горами.

Потом Петя в одиночестве сидел в гостиной и ожидал указаний. Целый час, наверное. И даже, как будто, сроднился с этой позой тревожного ожидания. Слишком сроднился. Больше, чем необходимо было. И когда из прихожей вошла синеглазая шатенка, немного за двадцать, постриженная под каре и в стильном деловом костюме, Петя не сразу поднялся с кресла. Но успел-таки. И подняться, и развернуться в её сторону.

Полина, а это, конечно, была она, бросила на Петю рассеянный взгляд и остановилась.

— Кто этот молодой человек? — проговорила, думая явно о чём-то постороннем.

Петя глянул по сторонам, однако никого, кому мог бы быть адресован заданный в подобной форме вопрос, не обнаружил.

— Меня сегодня приняли. Телохранителем.

— Он достаточно подготовлен? — нахмурила брови Полина.

Петя ещё раз осмотрелся. Нет, они по-прежнему одни.

— Буду работать над собой. К тому же всегда вдвоём с Артёмом... А двое — это уже...

— Артёмку уже дважды похищали. Он это... Вы это понимаете? — Полина, постаравшись сосредоточиться, посмотрела Пете в глаза.

— Нет, я не допущу! — поспешил заверить Петя.

Позади Полины появился молодой мужчина, одетый в цветастую рубашу и малинового цвета короткие брючки. Черты лица, в целом, приятные, а вот глазки — гаденькие.

— Штаны пропьём, но флот не опозорим. Так? — весело проговорил он.

— Я не служил, — сказал Петя, которому остряк почему-то не понравился.

— Ты ещё скажи, что не пьёшь.

— Почти не пью. — Петя бросил взгляд на малиновые брючки собеседника. — И брюк не пропивал.

Мужчина обернулся к Полине.

— Ну ничего. «У-2», вон, вообще из сосны и фанеры делали. А как зажигали!

Полина и её спутник направились к находящейся слева от лестницы двери, а сверху спустилась Катерина.

— Уже влюбился? — насмешливо проговорила она, оценив, судя по всему, устремлённый вслед удалившейся Полине восхищённый взгляд Пети.

— Да, — подтвердил Петя, однако тут же, чуть оправившись, добавил: — Но ещё не уверен.

— Уймись, Петя! — посоветовала Катерина. — Она и самому Духаничу не по зубам. Так что... Свободен, короче.

— Свободен? — переспросил Петя, которому слово это явно не понравилось.

— До вечера. Вечером тусовочка будет — Артёмка, возможно, тоже выберется. — Катерина протянула Пете ключ с биркой огромного размера. — За домом — домик. Понял? Ныряй в норку номер три и ожидай указаний.

3

Слева от беседки, в гамаке, лежал Артёмка с наушниками на голове, а Петя, в костюме, при галстук и в тёмных очках, стоял на расстоянии нескольких метров от него и наблюдал за окружающей обстановкой. Телохранитель же.

И любовался, это уже не по обязанности, Полиной. Точнее, ловил краткие миги появления её в поле его зрения. То из-за дерева покажется, то за изгородью стриженных кустов пройдёт, видимая лишь наполовину. Ну а как, если зона барбекю, где и шашлыки и что-то ещё не менее вкусно пахнущее, находится в двух десятках метров от него? И Полина именно там, среди гостей, которых Петя, кажется, и не видит, лиц их, во всяком случае. И голосов их не слышит. Только Полина, её смех и улыбки.

Артёмка, поворочавшись, развернулся лицом к Пете и внимательно осмотрел своего телохранителя. Затем снял наушники и, состроив на лице презрительную мину, объявил:

— Ты бездарен. Не чувствую себя защищённым. И до сих пор снится лай той собаки.

— Артём, ты... — растерялся Петя. — И я, Артём... Я сделаю, хочу тебя заверить...

— Ладно-ладно, сделаешь, — скривился Артём и, отвернувшись от Пети, надел наушники.

Петя ещё пытался обдумать неожиданное заявление Артёмки, когда пробежавший мимо Юрик толкнул его в бок и мотнул головой, призывая приятеля следовать за ним. Затем скрылся в беседке. Петя, стараясь держать в поле зрения весь двор, попятился к беседке и остановился неподалёку, спиной к входу.

— Говори! Только быстро! — не то попросил, не то приказал он.

— Меняться должностями надо! — свистящим шёпотом прокричал Юрик.

— Зачем?

— Какой из тебя телохранитель?! — поразился вопросу Пети Юрик.

— У тебя же получается лампочки менять, — сказал Петя. — А я не смогу Артёма от хулиганов, киллеров и похитителей защитить?

— Думаешь, опять похитят?

— Кто знает.

— Всё равно меняемся!

— Нет! — почти выкрикнул Петя.

— А оружие? Надо разбираться в оружии!

— Изучаю по интернету.

— Но я жениться хочу! — возопил Юрик. — На Полине или на Юлии! Телохранитель — это всё же...

— Ты и на немолодой был согласен, — перебил его Петя.

— Ты только на молодой?..

— К несчастью, влюбился в Полину.

— Сюда за любовью явился? — начал злиться Юрик.

— Но я не достоин. Буду повышать профессиональное мастерство, — торопливо заговорил Петя, стремясь поскорее закончить разговор. — Повысится мастерство — повысится и зарплата. Хочу помогать детям стать сильными. Как Джеки Чан. Всё, я пошёл.

— Стой! — крикнул Юрик.

— Я при исполнении.

Юрик в отчаянии.

— Я же спас тебя!

— Ты пришёл поздно — забрали у детей деньги! — отрезал Петя. И добавил с болью в голосе: — А я, слабак, сдался! Недопустимо!

Петя начал удаляться от беседки, а Юрик, крайне раздосадованный, вцепился пальцами в перила её и даже хотел пнуть ногой в одну из балясин.

— Да чтобы ещё хоть когда-нибудь!.. — вскричал он, удержав ногу на замахе. — Вот и делай добро людям!

Петя, неплохо расслышавший слова друга, на секунду замер, приостановившись, ибо сердце его дрогнуло. Выходит, в том, что Юрик никогда больше, во всей своей дальнейшей жизни, не совершит ни одного доброго дела, виноват будет он, Петя, который всегда и во всём за всё хорошее?

Однако... нет. Нет и нет! Известная ловушка. Если со мной так, то, мол, и я, значит... А вот не надо!

Петя возвратился на прежнее место и утвердился в позе телохранителя, охранника, чербера. От его внимания ничто не ускользнёт. А над недостатками своими он поработает.

Уже спустя два дня такая возможность представилась. Артёмка, просидевший всю ночь за компьютером, завалился спать, а Петя отправился в спортивно-развлекательный комплекс. Комплекс — в шаговой доступности, на территории расположенного за прудом коттеджного посёлка.

И вот уже Петя разгоняется и прыгает через гимнастического коня — имеется в зале и это старорежимное чудо. Перепрыгнуть, впрочем, не получается, и Петя, больно ударившись, сваливается с коня на пол.

Но можно, надев боксёрские перчатки, избивать грушу, сначала руками, а затем ещё и ногами. Получается, правда, не очень пока. И приходится, скривившись от боли, прихрамывая, отходить на время в сторонку и присаживаться на скамейку, чтобы проанализировать свои действия и набраться решимости.

А потом, нечеловечески напрягая все мышцы тела, взбираться по канату, срываясь порою вниз, прыгать через скакалку или выполнять упражнения на пресс на шведской стенке и турнике.

4

Сначала у Пети очень неплохо получалось и за охраняемым лицом наблюдать, и делать вид, что он тоже танцует. Потом Артёмка, продолжая прыгать, дёргаться и кривляться, принялся активно перемещаться по залу, забитому беснующейся под гром музыки молодёжью. А тут, как назло, одна из танцующих девушек буквально приклеилась к Пете.

— Потанцуем? — прокричала она ему в ухо.

— Не танцую, — не прекращая танцевальных движений, ответил Петя.

— Разрабатываешь члены после инсульта? То-то я вижу: танцуешь как ушибленный!

— Я хотел сказать... — начал Петя, однако обнаружил, что заговорившая с ним девушка пропала. Рядом, по крайней мере, её нет. Где же она? Впрочем, не важно.

А Артёмка? Петя ищет глазами Артёма, но не находит. И принимается метаться по залу, по инерции совершая танцевальные движения. За руки его хватает хмурая брюнетка, одетая во всё чёрное. Петя пытается вырваться, однако девушка оказывается очень сильной.

— Извините, я после... То есть, хотел сказать, не танцую.

— Образ Божий в людях замутился, — низким голосом произнесла сильная девушка в чёрном.

— Отпустите, пожалуйста! — взмолился Петя.

— Замутился! — прогудела чёрная девушка. — Мужики женщин не признают, звери — людей.

— Я товарища потерял! — крикнул Петя.

— Твой инфант в туалет, наверно, занырнул.

— Зачем?

— Приключений ищет, думаю. А ты?

Девушка, приоткрыв рот и высунув жало — ну, кончик язычка, точнее, — подалась всем телом к Пете и произвела язычком-жалом несколько быстрых и опасных движений.

Петя рванулся и высвободился из сильных рук представительницы слабого пола. И бросился к туалету. Вбежав, дёрнул дверь первой кабинки. Заперта. Забежал во вторую, оказавшуюся свободной, и взгромоздился на унитаз, собираясь заглянуть в первую кабинку, в ту, что изнутри заперта. Однако в эту минуту в туалет вошли несколько шумных девушек. Туалет — женский! — сообразил Петя и нырнул вниз. И поспешно заблокировал дверь. Пересидеть!

Спустя несколько минут представилась, кажется, возможность покинуть женский туалет незамеченным, и Петя предпринял торопливую попытку открыть дверцу кабинки. Однако это у него не получилось. Ни с первой попытки, ни со второй и третьей. Замок сломался!

Петя взобрался наверх, но тут вошли девушки, две или три. Увидев Петю, с визгом выбежали наружу. Петя же, на которого визг девичий подействовал не лучшим образом, сорвался вниз. Поднявшись, он принялся рвать и бросать на пол туалетную бумагу, а потом опустился на четвереньки и выбрался из кабинки через просвет между дверцей и полом.

Однако ворвавшиеся в туалет девушки, численностью до пяти — семи голов, с воинственными воплями напали на не успевшего подняться на ноги Петю и сопровождали его, четвероногого, тумакami до самого выхода из туалета.

Артёмку Петя отыскал не сразу. Но нашёл-таки. И потащил его, чуть не волоком, на выход, а затем на стоянку. Артёмка пытался сопротивляться, однако Петя справился, запихнул-таки парня в салон автомобиля. Взялись откуда-то силы.

— Не допущу! — повторял он, будучи в состоянии крайнего волнения. — Я не допущу! Нет, не допущу!

— Пластинку заело? — пробурчал Артёмка, мрачно поглядывая на Петю. — Всё, короче, не работаешь ты у меня больше.

— Не у тебя, а у Полины!

— Ещё скажи, что женишься на ней!

— Да, женюсь на Полине и помогу ей воспитать тебя достойным человеком!

Препирательства продолжились, однако градус их, кажется, начал уже снижаться, когда автомобиль съехал на обочину и остановился напротив допотопного вида промышленных построек. Петя вышел из машины и стащил с себя брючный ремень. Затем он приблизился к правой передней двери автомобиля, распахнул её, силой вытащил Артёмку наружу и принялся бить паренька ремнём, приговаривая при этом, что подобными методами воспитания и сам Макаренко не брезговал.

Убежать Артёмке удалось не сразу. И то не далеко, потому как у въезда на территорию изрядно тронутого запустением промышленного предприятия сидела и методично лаяла хриплоголосая собака.

— Ладно, на сегодня хватит! — крикнул Петя.

— А вот теперь ты уже точно уволен! Ещё и привлеку тебя! — пообещал Артёмка, потирая ушибленные места.

Он направился к машине, но вдруг остановился и, обернувшись, внимательно посмотрел на лающую собаку.

Для Юрика этот день также получился знаковым. Кто в том виноват? А нет виноватых. Юрик усаживался в предоставленный ему на новом месте работы во временное пользование «Ларгус» скучного серого цвета, когда то ли из калитки, то ли просто из вечернего тумана вынырнула Катерина.

— Юрик, не подбросишь до станции? — произнесла она чудным голосом ночной феи, хотя ночь была ещё далеко и под вопросом.

А потом они целовались. Вполне обыкновенно, однако со страстью двух разнополых субъектов, оседлавших волну единения сердец и мысленных устремлений.

То есть всё шло хорошо, но зазвонил телефон Катерины.

— Нет, Юлия, не могу, — услышал Юрик. — Завтра сделаю. Передайте Полине, что меня Юрик обещал до дома... Мы едем. То есть стоим, но сейчас поедем. Я завтра пораньше... Если не проспим.

Юрик был разочарован болтливостью Катерины и думал о том, как с наименьшими потерями выйти из ситуации, когда Катерина спросила:

— Ты, конечно, кофе хочешь?

И Юрик обнаружил, что они уже у дома Катерины, у самого её подъезда.

— Кажется, нет, — проговорил он.

— Хорошо, определимся на месте, — улыбнулась Катерина.

В общем, кофе необходимо запретить.

5

Юлия и её мать, Татьяна Васильевна, обе не то в задумчивости, не то в расстроенных чувствах играли в бильярд, тяжело перемещаясь вокруг десятифутового стола с киями наперевес. Точнее, наперевес — только Татьяна Васильевна, Юлия же — чаще просто волооча кий за собою по полу. А потому что разное отношение к жизни. Татьяна Васильевна — типичная бизнесвумен-самоучка (не тратить же время на освоение бесполезных наук, когда уже полтинник за плечами), а Юлия — вечный подросток с запросами зрелой женщины. Но обе не бесталаные: одна умела легко менять суровое выражение лица на доброжелательно-радостное, вторая — выглядеть красивой и утончённой, когда в руках был бокал с вином, а не стакан с водкой.

— Только чудо может спасти, — проговорила Татьяна Васильевна, двигаясь вокруг стола и высматривая прицельный шар.

— Только чудо, — вздохнула Юлия. Она только что ткнула кием в один из шаров, не целясь практически, и теперь стояла у зеркала и придирчиво себя осматривала.

— Слепли все, — зло подтвердила Татьяна Васильевна.

— Кое-кто уж точно.

— Позиция-то хорошая. — Татьяна Васильевна сделала, наконец, выбор.

— Контингент-с, — безрадостно улыбнулась Юлия.

— Какой-никакой. — Татьяна Васильевна производит удар, однако неудачно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.